

Ю. В. ЧАЙКОВСКИЙ

КТО ЗАДУМАЛ И КТО УСТРОИЛ ВЕЛИКУЮ СЕВЕРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ?

В статье кратко изложены история русских географических экспедиций первой четверти XVIII в. и предыстория Великой северной экспедиции, начавшейся 300 лет назад. Показано, что все они носили не столько географический, сколько геополитический характер. Поэтому для их понимания требуется погрузить их в контекст политической истории России и прежде всего в историю становления сибирского общества. Такой работы, насколько известно, до сих пор не проводилось.

Ключевые слова: Ф. С. Салтыков, Я. А. Ельчин, русские экспедиции петровской поры, предыстория Великой северной экспедиции, Малый ледниковый период.

Триста лет назад, 23 апреля 1713 г.¹, корабельный мастер Федор Степанович Салтыков, отправленный в Англию в качестве морского агента, послал из Лондона Петру I записку, известную как «Пропозиции» и содержащую целый ряд предложений, в том числе – о посылке экспедиции в Ледовитое море. Через год (1 августа 1714 г.) он послал царю свои размышления по тем же вопросам, известные как «Изъяснения». Это – первые документы, содержащие идею Великой северной экспедиции (далее – ВСЭ). Их почти никогда не упоминают, хотя они во многом определили характер и ход знаменитого исследования берегов Ледовитого океана.

На мой взгляд, историю этой удивительной экспедиции² необходимо начинать именно с посланий Салтыкова. Дело в том, что все прежние экспедиции шли из Европы, причем ни одна не продвинулась дальше Ямала. И вот Салтыков сформулировал идею, ставшую главной идеей ВСЭ, – обследовать арктическое побережье с помощью кораблей, построенных на главных реках Арктического бассейна.

Сама ВСЭ отправилась в путь лишь через 20 лет, в феврале 1733 г., при правлении Анны Иоанновны, однако все эти годы происходили события, ее предвалявшие. Они заслуживают большего внимания историков, чем мы видим на практике, поскольку не только на много лет вперед определили всю российскую политику освоения Арктики, но и высвечивают важные стороны российской истории вообще.

¹ Все даты даны по старому стилю.

² Ее называют самой большой в истории по длине положенной на карту береговой линии и по непрерывной длительности: 10 лет. Но по числу людей, числу и размеру кораблей и общей длительности она сильно уступала Великой Южной экспедиции китайского адмирала Чжэн Хэ в 1405–1423 гг. См.: *Свет Я. М.* За кормой сто тысяч ли. М., 1960; *Мензис Г.* 1421 год, когда Китай открыл мир. М., 2004. Первая книга более надежна, вторая более подробна.

В свое время историк-архивист А. А. Покровский с сожалением писал:

Главное внимание исследователей было обращено на вопросы: каких широт достигали отдельные части этой экспедиции, какие препятствия встречались, как участники экспедиции героически их преодолевали, какие страны и народы они видели и как они самоотверженно гибли [...] Необходимо, однако, оговорить, что экспедиция Беринга представляет интерес и с других точек зрения. Прежде всего эта экспедиция важна сама по себе, как крупное историческое явление ³.

Его рецензент А. И. Андреев, известный историк Сибири и источниковед, особо развил данную мысль. По убеждению Андреева, Покровский удачно

остановился на многих исторических фактах, которые до сих пор не рассматривались в связи с экспедициями Беринга (например, сношения с Испанией, опала Волынского и др.); в результате получился тот исторический фон, на котором деятельность Беринга и других участников экспедиции [...] приобретает большое государственное значение. Статья А. А. Покровского должна привлечь к себе внимание историков и в особенности историков этой эпохи ⁴.

К сожалению, надежды обоих не оправдались: историки освоения Арктики продолжают писать о ВСЭ так, как об этом с огорчением написано у Покровского, а прочие историки ее просто не замечают. И нигде, даже у Покровского и Андреева, не попалось мне рассказа о том, как столь грандиозная затея возникла, кто все это предприятие обеспечил людьми, кораблями, вещами, продуктами, деньгами и инструкциями. Она выглядит родившейся, словно Афродита из пены морской. Благодаря этому «синдрому Афродиты» самое важное и интересное обычно остается за рамками исследования ⁵. Ниже мы сможем обсудить лишь некоторые из этих вопросов.

Ранние исследования евразийской Арктики

Принято считать, что организованные исследования Арктики начались с английской экспедиции сэра Хью Уиллоуби (1553–1554), два корабля которой погибли (вместе с командующим), а один вошел в устье Северной Двины и положил начало англо-русской морской торговле. Западные мореплаватели нашли европейское побережье Арктики хорошо освоенным норвежскими и русскими мореходами, причем последние рассказывали, что плавают на восток до реки Обь и даже дальше, и предлагали свое содействие. Однако затем ни один западный мореплаватель не сообщал, что достиг хотя бы севера Ямала. Да и эти плавания почти прекратились со смертью Ивана Грозного (1584) и совсем не упоминаются после 1623 г.

³ Экспедиция Беринга. Сб. документов / Сост. А. А. Покровский. М., 1941. С. 9.

⁴ Андреев А. И. [Рец. на сборник «Экспедиция Беринга»] // Известия Всесоюзного географического общества 1943. Т. 75. № 2. С. 63.

⁵ Подробнее см.: Чайковский Ю. В. История и прогноз // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 75–90.

Российские историки иногда пишут, что Иван Грозный перед смертью отказал англичанам в праве плавать на Обь и «Ислендь» (Енисей?)⁶ и даже склонны толковать данный отказ как запрет всем иностранцам делать это. Через 25 лет, в 1619 г., царь Михаил Федорович действительно издал запрет плавать (притом всем, включая русских) на восток от устья Северной Двины, и у историков Арктики стало общим правилом полагать, что плавания прекратились именно по этим причинам. Однако сомнительно, что данные два акта могли иметь столь радикальные последствия, так как они не были подкреплены должными охранными мерами⁷. Да такие меры и не могли быть предприняты, поскольку ни флота, ни войск правительство в то время в Арктике не имело, а чиновный аппарат был там зачаточным. Очевидно наличие иных причин.

Главной явилось похолодание Арктики, известное ныне как *LIA* (*Little ice age*, Малый ледниковый период)⁸. Оно началось в XIV и закончилось в XIX в., причем пик похолодания в зоне Ямала и Таймыра пришелся на XVII в.⁹ Вот почему иностранцы не смогли в конце XVI в. проплыть в те места, куда русские плавали раньше. Просто они появились слишком поздно, и дело вовсе не в том (как иногда пишут), что западные корабли были радикально хуже русских кочей. Наоборот, когда полярные плавания возобновил в 1730-х гг. регулярный флот, кочи (притом направляемые поморскими кормчими), проиграли военным ботам, способным к лавированию¹⁰. В тогдашней ледовой обстановке Ямал смогли обогнуть только боты, и о кочах с тех пор не слышно.

Хотя о похолодании Арктики у нас писали давно¹¹, позднесоветская традиция отрицать *LIA* сильна у нас до сих пор и мешает пониманию истории освоения Арктики. Мне уже случилось писать¹², что в действительности

⁶ Например: Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949. С. 92; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 176. На самом деле Иван лишь отказал английскому послу в монополии на торговлю по этим рекам (а не в праве плавать туда) и притом лишь в устной беседе (Сборник Императорского Русского исторического общества. 1883. Т. 38. С. 96). Позже Скрынников писал совсем иначе. В последнее издание своей книги «Иван Грозный» (2005) он вставил, никак не оговорив, в параграф «Конец войны» следующую фразу: «Боярин Никита Романов и [дьяк] Андрей Щелкалов возражали против монополии англичан. Но царь отстранил их от переговоров и послал к [английскому послу Джерому] Боусу [бывшего опричника Богдана] Бельского с известием, что царь согласен со всеми требованиями королевы».

⁷ Единственная мера, реально сформулированная в акте царя Михаила, – требование создать заставу на Ямальском волоке – выполнена не была, несмотря на несколько попыток.

⁸ Первая монография о Малом ледниковом периоде вышла 25 лет назад: Grove, J. M. The Little Ice Age. London; N. Y., 1988.

⁹ Большианов Д. Ю., Священников П. Н. и др. Изменения климата Арктики за последние 10 000 лет // Известия Русского географического общества. 2002. Вып. 1. С. 20–27.

¹⁰ Соколов А. П. Северная экспедиция 1733–1743 года // Записки гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1851. Ч. 9. С. 260 (есть также отдельная книга 1851 г.).

¹¹ Еще Л. С. Берг отмечал, что плавания из пролива Маточкин Шар через Карское море к северной оконечности Ямала прекратились около 1580 г. из-за похолодания (Берг. Очерки по истории... С. 92).

¹² Чайковский Ю. В. Остров Груланда и Северо-восточный проход, или сопоставим загадки // ВИЕТ. 2006. № 1. С. 211–217.

попытки проникнуть в моря евразийской Арктики начались задолго до Уиллоуби, еще со времен плаваний Колумба, и были вызваны желанием стран Северной Европы открыть и освоить Северо-Восточный проход, т. е. морской путь в Тихий океан через евразийскую Арктику. Попытки не удались и в начале XVII в. были оставлены – как теперь ясно, в силу продвижения климатических изменений с запада на восток. Современникам требовался какой-то новый подход к делу, и его через сто лет предложил как раз Салтыков.

Записки Ф. С. Салтыкова и их последствия

В своих «Пропозициях» Салтыков, среди многих прочих тем, предлагал:

Велеть построить корабли на Инисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледовитого моря, и в Сибири от Енисейского устья до Китая все надлежит Вашему владению оной морской берег. И теми кораблями, где возможно, кругом Сибирского берега велеть проведать, не возможно ли найти никаких островов, которыми б можно овладеть под Ваше владение. А ежели таковых и не сыщется, можно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова, такожде и в Европу можно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тар [деготь], понеже там изобилство великое, а здесь в Европе зело в том великая нужда и дороговизна, и в том будет в государстве прибыль великая¹³.

Уже здесь мы видим основную идею ВСЭ – исследовать арктическое побережье с помощью не одного корабля, идущего из европейского порта, а группы кораблей, одновременно идущих из разных российских рек. Главная географическая мысль Салтыкова – проплыть Северо-Восточным проходом в Китай. В записке «Изъявления прибыточные государства» той же теме посвящена одна из 33 глав (25-я). Она именуется «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай» и состоит из следующих девяти позиций¹⁴.

Предложение 1. Велеть построить по 2–3 небольших судна в Архангельске, Березове, Якутском остроге и около Святого Носа, «а такожде и на Амурском устье, буде она в вашем державстве, только я о том не известен».

Предложение 2.

Велеть им описывать по тому берегу от ходу морского, от двинского устья до обского устья, а от обского до енисейского, а от енисейского до ленокского и до последнего речного устья, которое обыщется удобное...

¹³ Пропозиции Федора Салтыкова // Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности. Приложение 5. СПб., 1892. С. 28–29. Цит. по: Берг. Очерки по истории... С. 24.

¹⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. Вторая пагинация. С. 32–35.

Предложение 3.

...велеть тем плавателем описывать по берегам и на море устья рек, как они найдут и в тех реках глубину и течение воды, какого образа земля на дне, в какой ширине и длине ¹⁵ и на которой румб какое ни есть знатное место, дерево, гора, строение, или сим подобное лежит, и расстояние их, и какая там клима; и в которой мочно быт пристаням и в которых не мочно быть, и какие около тех мест леса, такожде поберегам потому же смотреть и описывать заливов морских пенинзулей ¹⁶ или отлогов морских, банков песчаных [...] и в которых местах какие есть якорные земли, в которых широтах и на море потому ж острова, какой они ширины и длины и какие на них сыщутся люди и что будет богатства и какие где леса, звери и люди; а на таких островах описать реки, буде есть и пристани, и в каких местах где есть пресная вода, также в море камень, которые сыщутся под водою и поверх воды.

Предложение 4. Если путь в Японию и Китай будет открыт, это даст «вашему государству великое богатство и прибыль», так как северный проход удобнее южного, где «от жаров множество у них людей помирает и от скудости провиантов».

Предложение 5. У острова Вайгач построить на Новой Земле и на материке крепости для сбора пошлин, как это делается в других странах. Такую же крепость сделать «в Сибири на Ангамане реке» и в «прочих местах, где будет пристойно на проливах».

Предложение 6. «Мочно тогда из вашего государства посылать для купечества Ост-Индскаго корабли», что ближе, чем из иных стран.

Предложение 7. Хотя многие полагают, что плаванье там невозможно из-за льдов, но

мочно, чаю, в вешние и в летние месяцы то чинить плавание, о чем пробу невозможно никому иному, так удобно чинить, как вашему величеству из вашего государства.

Предложение 8. Следует обязать сибирского губернатора послать выяснять,

далеко ли за Святым Носом ¹⁷ вашего величества берег и по которую реку и от той последней реки, какие люди живут там и к кому они подлежат, к Китаем-ли, или сами собою правятся, или в вашем подданстве.

¹⁵ То есть широте и долготе. Тогда, до изобретения хронометра, долготу умели измерять только ночью, тогда как навигация велась в основном в течение полярного дня и белых ночей августа. Оценить же долготу счислением по курсу вообще среди льдов не удавалось, и ее в Арктике измеряли лишь изредка те, кто умел, на зимовках. Салтыков тут скорее показывает свою ученость, чем дает совет. Такие места мешали принятию его мыслей.

¹⁶ Здесь: мысов (от лат. *paeninsula* – полуостров).

¹⁷ Имеется в виду мыс Святой Нос, к северу от которого лежат Ляховские острова, открытые в 1711 г. отрядом казака Меркурия Вагина (о нем см. далее). К востоку за этим мысом текут реки Индигирка и Колыма, давно тогда известные. Видимо, автор сомневался в их пригодности для его целей. Действительно, суда для ВСЭ там не строились.

Предложение 9.

Хотя в том искании какая и трудность сыщется, без чего никакое дело не происходит. Агличане и галанцы ищут новых земель для своих прибытков и повсеместно того пробуют.

В следующей главе, 26-й, предлагается искать торговые пути в верховьях сибирских рек от Иртыша до Амура, для чего послать и туда экспедиции. В этом можно видеть *десятое предложение* Салтыкова. Оно, как увидим, привлекло Петра тоже.

Экспедиционная тема отнюдь не была у Салтыкова главной – его больше волновали вопросы развития флота, хозяйства, права, нравов и просвещения (включая женское). Главной его целью была (по выражению издателя, Павлова-Сильванского) «общая европеизация России», а главной чертой предложений – «крайняя подражательность», которая «доводит его до забвения условий русской жизни». Вышло так, что только приведенным выше предложениям суждено было пережить автора и повлиять на дальнейшие события. Как установил историк-источниковед А. И. Андреев, «все пункты этой программы вошли позднее в инструкции [...] описателям северного побережья в годы Второй камчатской экспедиции»¹⁸.

Вопреки утверждению издателя «Изъяслений», идеи Салтыкова сразу же стали живо обсуждаться в кругу Петра. Английский капитан Джон Перри, покинувший Россию в 1715 г., успел заметить и описать его реакцию:

Я сам не раз слышал, как Царь выражал свое намерение послать людей с целью снять верную карту страны, как только наступит мир и он будет иметь досуг заняться этим исследованием, чтоб определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли (Nova Zembla) в Татарское море (Tartarian Sea) на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч. Если бы оказалось, что означенное море в некотором расстоянии на восток от Новой Земли действительно удобно для плавания судов, как то можно было предполагать, то в таком случае открылся бы путь для перевозки груза и товаров, частью сухим путем, частью водою, к тому порту, где Царь решит устроить заведение для постройки кораблей. Перевозка товаров зимою на санях, т. е., самым легким способом из всех перевозов сухим путем, не потребовала бы больших расходов и производилась бы до другой какой-либо реки, или порта, на запад от реки Оби, между Архангельском и Новой Землей [...] Европейские корабли совершали бы незатруднительные плавания и получали бы товары из Китая и Японии, не имея надобности переезжать через равноденственник¹⁹. Для Царя, во всяком случае, этот путь был бы несравненно удобнее того, посредством которого производится ныне торговля между Москвой и Пекином, т. е., на всем протяжении сухим путем, что требует большое количество людей и лошадей, и представляет столько же замедлений, сколько и расходов²⁰.

¹⁸ Андреев А. И. Первая русская экспедиция в Северном Ледовитом океане // Известия Всеобщего географического общества. 1943. Т. 75. № 2. С. 58.

¹⁹ Жара при плавании через зону экватора была в XV–XIX вв. одной из главных бед ввиду гниения продуктов и пресной воды, что вызывало болезни и смерти.

²⁰ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе (1716). М., 1871. С. 41.

Уже здесь мы видим понимание главной трудности торговли с Китаем через Сибирь – огромная длительность и дороговизна перевозки «сухим путем». И хотя на самом деле почти весь путь грузы проходили по рекам, Перри был прав в том смысле, что даже небольшие (несколько верст) перевозки между реками требовали огромных усилий на перевалку грузов и гужевой транспорт. Но еще важнее следующее замечание Перри, разъясняющее огромные трудности будущего предприятия:

Страна, называемая Новая Земля, куда посланы были многие Английские корабли, для открытия пути в Индию, обитаема Самоедами на расстоянии нескольких градусов от Ледовитого Океана, через который, как уже сказано, Царь предполагал посылать разных лиц с поручением исследовать, нет ли чрез него какого-либо пути сообщения, хотя сам он был такого мнения, что путь этот не существует, и говорил, что, по его соображениям, эта страна, вероятно, в этом месте соединяется с Америкой, и что эта часть света была населена в те времена, когда не было еще тут такого множества льда и холод не так сильно свирепствовал около полюсов. Действительно, не без основания можно предполагать, что в то время, когда крайний Север был населен, климат в этих местах был гораздо приятнее и мягче, представляя более удобств в жизни... ²¹

Откуда царь мог заполучить мысль о похолодании Арктики, в целом чуждую тогдашним представлениям? Перри поясняет:

Это особенно хорошо можно согласовать с предположением Доктора Чейна, который, в своих «Философских началах религии» ²² приводит доказательство того, что и в самом солнце уже сила тепла утратилась. Это также и мое мнение, и из этого следует заключить, что с течением времени, по мере того, как прибавлялась масса льда, холод, который он порождает вокруг себя, распространился в этом направлении далее, чем в начале создания мира. Но об этом пускай каждый судит, как ему угодно ²³.

Есть и другие свидетельства обсуждения полярной темы в кругу Петра ²⁴, но нет никаких данных о реальной посылке экспедиции на Север. По-видимому, царь действительно «был такого мнения, что путь этот не существует». Иначе откликнулся он на южные и восточные замыслы Салтыкова.

Верховья рек

Петр I вполне воспринял идею Салтыкова о поиске пути в Индию через верховья сибирских рек. Он неоднократно отдавал приказы сибирскому губернатору Матвею Гагарину относительно обследования Сибири и ее рек, и Гагарин превосходно их исполнял, но присваивал казенные суммы. Делали

²¹ Там же. С. 46.

²² *Cheyne, G. Philosophical Principles of Natural Religion. London, 1705.* Есть и второе издание (2 тома, 1715), но вряд ли можно допустить, что Перри успел воспользоваться им, если признать, что мысль о похолодании сообщил Петру он.

²³ *Перри. Состояние России...* С. 47.

²⁴ *Андреев. Первая русская экспедиция...*

это в петровском аппарате едва ли не все, однако Гагарин попал в застенки, а затем на виселицу.

Следствие по его делу носило странный, трудно вообразимый характер. Его пытали на дыбе с целью получить как можно больше денег (у одного лишь Петра Шафирова, вице-канцлера, нашлось на 250 тыс. руб. гагаринских денег и ценностей²⁵) и в то же время с интересом расспрашивали о сибирских экспедициях и рассматривали карты обследованных по его приказам земель.

В 1714 г. Петр поручил (после получения «Пропозиций», но до получения «Изъявлений») через Гагарина подполковнику Ивану Бухгольцу обследовать верховья Иртыша, что тот и выполнил. Однако царь остался недоволен, и в январе 1719 г. (сразу после ареста Гагарина) лейб-гвардии майор Иван Лихарев получил странное поручение: повторить плавание Бухгольца с упором на возможность выхода из озера Зайсан в Китай и одновременно собрать данные для обвинений Гагарина и Бухгольца (царское поручение Лихареву приведено в «Памятниках Сибирской истории XVIII века»²⁶. Бухголец, к счастью, был вскоре забыт в дальнем гарнизоне и ареста избежал²⁷.

Обе эти военные экспедиции были удачны в отношении освоения южной Сибири (Бухголец основал в 1716 г. Омск, а Лихарев в 1721 г. – Усть-Каменогорск²⁸), но выхода в Китай не дали²⁹, и Петр к данной идее охладел.

Его теперь интересовали реки Востока. Как писал А. И. Андреев,

еще в 1716 г. два торговые дома в Петербурге подали в Сенат просьбу о дозволении им производить торговлю с Японией и Ост-Индией; они полагали вести ее водным путем из Архангельска в Обскую губу, а затем Обью и другими реками до Байкала и оттуда Селенгою, Ингодою, Шилкою и Амуром в Восточный океан. Просьба была передана Я. В. Брюсу, который отнесся весьма сочувственно к задуманному предприятию³⁰.

²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. 1868. Т. 3. С. 358.

²⁶ 53. Об отправлении майора Ивана Лихарева в Сибирь для расследования... // Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Т. 2. С. 182–183.

²⁷ 109. О высылке из дальних и ближних сибирских городов недорослей... // Там же. С. 448.

²⁸ Об обоих плаваниях см.: *Бородаева В. Б.* Российские военные экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2011. С. 12–17; *Резун Д. Я.* Поход Бухгольца и Северная война // Там же. С. 30–34. Отчет Лихарева опубликован в виде прилож. к докладу: *Бородаев В. Б.* Архивные документы 1719–1720 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана / Ред. А. А. Аубакиров. Усть-Каменогорск, 2010.

²⁹ Отряд Лихарева, двигаясь 9 дней с боями из озера Зайсан по Черному Иртышу, проник в земли нынешнего Китая (тогда там царили кочевники) и убедился, что построить тут крепость невозможно (нет леса). Допрашивая местных жителей «с розыску», т. е. под пыткой, Лихарев выяснил, что ему противостоит более 6 тыс. воинов-кочевников и что Черный Иртыш приведет его на восток, в Монголию, а не на юг, в искомый Китай, и повернул назад (см. его отчет). Он использовал отчеты и карты, полученные Гагариным, а позже стал одним из главных участников следствия по его делу (Сборник Императорского Русского исторического общества. 1873. Т. 11).

³⁰ *Андреев А. И.* Экспедиции на восток до Беринга // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 186.

Такое плавание состояться не могло, поскольку Амур не принадлежал России, но идея заинтересовала Петра. Возможно, она и побудила его переклассифицировать интерес с Юга на Восток, на поиск рек, по которым можно выйти в восточные моря.

При Петре I активность землепроходцев была направлена, в основном, в сторону Охотского моря и Камчатки. Она была открыта в 1696–1700 гг. по суше, со стороны Чукотки, и связь ее с «большой землей» долго велась из Якутска круговым путем. Позже сенатский «экстракт» резюмировал ситуацию: «...через Верхоянск, Индигирск, Алазейск и колымские остроги пустыми дальними местами со многим трудом, и от противных народов с нападками»³¹.

Став в 1711 г. сибирским губернатором, Гагарин сразу же весьма дельно и деятельно включился в проблему поиска новых земель. Он направил на северное и восточное побережья Сибири несколько поисковых групп, включавших плененных шведских специалистов, которые собрали ряд важных сведений и обеспечили первое плавание на Камчатку³².

В частности, в 1711 г. в Охотск был послан приказчик Петр Гуторов с целью отыскать кратчайший путь на Камчатку³³. Но пути этого Гуторов не нашел, и Гагарин в 1714 г. отправил в Охотск новую партию под командой казака Козьмы Соколова³⁴. Тот сумел впервые пройти на Камчатку морем из Охотска.

Не менее важно, что перед этим на основе сведений, полученных у местных кочевников, был открыт давно искомый речной путь в Охотск³⁵. Он, согласно упомянутому сенатскому экстракту,

безопасной и ближе до Охотска верст с тысячу, а от Охотска морем переходят на Камчатку в четверы сутки. Только де тот путь не окончен, а надлежит росчистить чрез хребты и розмерять верстами, и построить в пристойных местах зимовья³⁶.

На самом деле он короче прежнего почти на 3 тыс. верст, и освоение Камчатки пошло затем по нему. По нему партия Соколова вернулась в Якутск в августе 1717 г.

³¹ Вторая Камчатская экспедиция. Морские отряды. Сб. документов. Ч. 1. 1731–1733. М., 2001. С. 115.

³² Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Л., 1965. Вып. 2. С. 37.

³³ Яковлевский П. П. Летопись города Якутска. Якутск, 2002. Т. 1. С. 86.

³⁴ Обстановку этих походов поясню примером. Отряд Меркурия Вагина осенью 1711 г. «оголодал», и когда «на пребудущий год говорил им оный Меркурей иттить, для проводывания того большого острова» (о. Ляхова Большой. – Ю. Ч.), пятеро спутников убили его вместе с сыном. Их выдали остальные спутники, и в 1713 г. якутский воевода Яков Ельчин двоих повесил, а трое других «у казни» просили вместо повешения отправить их «для проводыванья чрез Ламское море Камчацкого пути». Ельчин согласился, если они найдут поручителей, но таковых не нашлось (1. Розыскное дело об убийстве якутскими казаками прикащика Меркурия Вагина... // Памятники сибирской истории... С. 1–21). Ламским называли Охотское море. Добавлю, что в 1714 г. Ельчин угрожал К. Соколову, ссылаясь на царский указ, смертной казнью, если тот вернется без свидетельства (от камчатского приказчика) пребывания на Камчатке (12. Память якутским служилым людям и мореходцам, о преведании пути в Камчатку и островов // Там же. С. 37–40).

³⁵ Это был путь через Юдомский Крест, о котором см. далее.

³⁶ Вторая Камчатская экспедиция... С. 115.

Большой Камчатский наряд

Однако еще до возвращения Соколова губернатор должен был удовлетворить интерес Петра I, когда тот обратился к восточной тематике. В 1716 г. Гагарин направил в Москву, в Сибирский приказ, Якова Ельчина «для личных объяснений о положении вновь приобретенных земель»³⁷. Итогом был указ Гагарина (19 декабря 1716 г., на основе царского решения) о создании под командой Ельчина Большого Камчатского наряда, каковой ныне считается первой российской государственной экспедицией на Дальнем Востоке. Якутским воеводой вместо Ельчина стал Иван Ракитин, вскоре написавший на него донос Гагарину, погубивший Ельчина и всю экспедицию.

Как писал историк флота А. С. Сгибнев (он работал с бумагами Якутского архива, позже утраченными), указ Гагарина предписывал: 1) исследовать Камчатку, Чукотку и прилегающие земли, «заведя с окрестными жителями торговлю»; 2) построить в этих землях остроги и 3) «открыть и объясачить сопредельные острова и проведывать новые земли». В подчинение Ельчину поступило 200 человек служилых, а также семь острогов и сбор ясака с части территорий. Сам Ельчин должен был плыть на юг Камчатки и обследовать острова, а заодно покорить непокорных коряков, хотя те жили совсем не там.

Словом, по необъятности задач указ был вполне сравним с предложениями Салтыкова, сравнимы оказались и их судьбы. Ельчин успел немного: распорядился обустроить вновь открытый речной путь до Охотска (прежде всего, провести расчистку юдомо-уракского волока, о котором будет сказано далее) и послал экспедицию на реку Уду и на Шантарские острова. Следуя тогдашней моде, он всюду пробовал учредить земледелие, и в Удском остроге это ему удалось – с тех пор там выращивают ячмень.

Сам Ельчин никуда не поплыл, поскольку был вызван Гагариным в Тобольск для объяснений по доносу Ракитина. Оправдаться ему не удалось: он вернулся в Якутск, в распоряжение Ракитина, а вскоре после ареста Гагарина сам был арестован и отправлен в Петербург. Наряд возглавил капитан Петр Абыштов, который в июне 1719 г. умер, едва добравшись с женой до Охотска.

Пишут, что на этом наряд перестал существовать, но это не так. Еще при жизни Абыштова на его место был назначен приказчик Иван Харитонов, который

4 августа 1719 г. доносил, что в Охотске совершенное безначалие: команда разбрелась по охотскому краю и бесчинствует, лесу заготовлено мало и не хватит на 4 судна³⁸.

Харитонов принял под свое командование служилых людей камчацкого наряду и полковые припасы у подъячего Ивана Петрова; а отправились из Охотска через Ламское море на Камчатку августа в 20 день, а переплыли за море на Камчацкую землю августа в 26 день и пристали в реку Ичу, после чего отправился покорять непокорных и собирать ясак³⁹.

³⁷ Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина) // Морской сборник. 1868. № 12. С. 131.

³⁸ Сгибнев. Большой Камчатский наряд... С. 135.

³⁹ 65. Отписки Максима Лакашевского якутскому ландрату Ивану Ракитину о смутах на Камчатке... // Памятники сибирской истории... С. 273.

Закончился же наряд тем, что Иван Петров, прибыв в 1720 г. в Якутск, «зарезался, не имея возможности привести в порядок запутанные дела наряда»⁴⁰. Проще говоря, боясь повторить судьбу Ельчина.

О дальнейшей судьбе Ельчина ничего не известно, высказывалось предположение, что он погиб в застенке во время следствия по делу Гагарина. Все возможно, и скажем лишь, что полезных людей Петр уничтожал часто. В том числе в 1715 г. он приказал арестовать тяжело больного Ф. С. Салтыкова (тоже по доносу о присвоении им казенных сумм), но тому повезло: к этому времени он уже умер. Гагарину повезло меньше. После пыток и «суда» он был повешен, а царь еще долго огорчался поспешности и легкости казни, так что распадавшийся труп князя перевешивали в Петербурге с места на место более года, а когда похоронили, неизвестно⁴¹.

И Гагарину тоже еще повезло. Так, обер-фискал Алексей Нестеров, на чьих обвинениях строилось дело Гагарина, через три года тоже был после чудовищных (даже по тем временам) пыток колесован. (Как любил Петр, колесо останавливали для «допроса» казнимого, уже неспособного говорить.) Был обезглавлен и фискал Савва Попцов, который под пыткой донес на Нестерова, а генерал Григорий Скорняков-Писарев, ведший уголовные дела фискалов, приговорен к смерти, замененной на службу рядовым с конфискацией всех имений. Та же участь (помилование на эшафоте и конфискация) ждала и Петра Шафирова, вице-канцлера, обвинившего Писарева в лихоимстве. Все они, кроме Попцова, были ближайшими сподвижниками Петра, причем Шафиров в 1711 г. спас царя от турецкого плена.

Этот страшный ряд изумляет, но по-своему логичен и помогает понять варианты возможной судьбы Ельчина. Диктатор часто устраняет слишком ярких деятелей, боясь заговора, а у Петра была еще и особая нужда. В конце жизни он не мог, несмотря на самые жестокие меры, обеспечить казну сбором налогов и пополнял ее разорением богатых⁴². Целью пыток было выяснить, сколько и где спрятано ценностей. (Нестерову назвать было нечего, отчего и пытки были чудовищны.) Но если жизнь основных обвиняемых дознаватели и палачи берегли для новых пыток, суда и казни, то с побочными участниками не было и этого, так что записи типа «расспрошены семеро, трое померли» в розыскных делах обычны. Подобным образом мог погибнуть и Ельчин (вспомним, что царь был явно раздосадован недостаточностью признаний Гагарина), но он мог выжить и оказаться среди множества сосланных в Сибирь. К данному соображению мы еще вернемся.

⁴⁰ Сибнев. Большой Камчатский наряд... С. 133.

⁴¹ Корсакова В. Д. Гагарин Матвей Петрович // Русский биографический словарь. М., 1913.

⁴² Как видно из текста приговора Гагарину (Сборник Императорского Русского исторического общества. 1873. Т. 11. С. 421–422), доказательная база мало занимала царя и «суд» лишь узаконил конфискацию богатств князя. В частности, из этих денег было начато финансирование Низового (Астраханского) похода (Там же. С. 474). Он позже вылился в знаменитый Персидский поход, которым Петр полагал поправить финансы страны, но привел их к еще большему разорению, так как доходы от захваченного оказались ниже расходов на поход. Последний год жизни Петр провел в унынии и озлоблении (см., например: Сборник Императорского Русского исторического общества. 1868. Т. 3. Письма царского коммерц-советника Иоанна Ле Форта; не путать с Францем Лефортом, другом молодости Петра, умершим в 1699 г.).

Важна не сама Камчатка, а то, что вокруг

Второй государственной экспедицией на Дальний Восток было плавание геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лукина, описавших северные Курильские острова (1720–1721). Третьей была Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, достигшая в 1728 г. пролива, ныне именуемого Беринговым, а четвертой – Чукотская экспедиция полковника Афанасия Шестакова и капитана Дмитрия Павлущего (1729–1732), направленная против непокорных чукчей. Все они хорошо известны. В частности, известно, что покорить чукчей не удалось, зато на судне данной экспедиции подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев сумели в 1732 г. впервые положить на карту Берингов пролив.

Тем самым ВСЭ (часто именуемая Второй Камчатской) на самом деле была уже в тех краях пятой государственной. Покровский, один из немногих серьезных исследователей камчатских экспедиций, полагал, что реальной целью их всех было вовсе не то, что записано в документах (в частности, не исследование Камчатки), а поиск в тайне от иных государств еще никем не завоеванных новых земель⁴³. С ним согласны и Андреев, и в наше время составители «Второй Камчатской экспедиции...». В таком случае секретность экспедиций вполне понятна: Россия не имела на Дальнем Востоке ни войск, ни флота и была вынуждена избегать любых столкновений.

Труднее понять столь настойчивый интерес к новым землям, когда совсем не освоены земли, уже открытые. Но такова была вся история завоевания севера Сибири: интерес вызывала исключительно пушнина, а все знали, что соболь (главный пушной зверь) вскоре же будет выбит. Россия нуждалась в новой стратегии освоения земель, и ее, как мне представляется, как раз и предложил Салтыков. В то время он успеха иметь не мог (жажда пушнины забивала все иные интересы), но позже смена задач все-таки произошла, и в этом важную роль сыграла как раз ВСЭ.

Возвращение интереса к Северу

Беринг, отправившись в первую свою экспедицию сразу по смерти Петра, вернулся в Петербург в 1730 г. при Анне Иоанновне и в конце года обратился в Адмиралтейств-коллегию с предложением повторить Камчатскую экспедицию, но при этом ни словом не коснулся вопроса посылки отрядов в Ледовитое море. Впервые этот вопрос поднимается у него во второй записке в Адмиралтейств-коллегию, в ее конце. Вероятно, северную тему Беринг решил затронуть перед самой отсылкой записки, т. е. в феврале 1731 г. После оценки собственно Камчатской экспедиции он добавляет:

Ежели за благо рассуждено будет [обследовать] северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лето [следует знать, что] к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать, понеже оные земли под высокою державою Российской империи суть⁴⁴.

⁴³ Экспедиция Беринга... С. 21–31.

⁴⁴ Вторая Камчатская экспедиция... С. 25.

Так впервые упомянуты «северные земли», причем только до Лены. Отсюда и началась официальная история собственно Северной экспедиции. Но сам Беринг не имел ни должного чина, ни веса при дворе и мог выступать лишь как проситель. Очевидно, что ее продвигали в кабинетах власти другие лица, и нам важно знать не только их имена, но и их мотивы – ведь они были не путешественниками, а политиками.

Вопрос, почему ВСЭ вообще могла состояться, первым поднял полтора столетия назад историк флота А. П. Соколов. Он назвал причиной «стечение многих счастливых обстоятельств» и перечислил их:

1) царствование началось мирное, особых военных расходов не было, а офицеры желали дела;

2) во властных структурах огромное влияние имел вице-канцлер граф Андрей Иванович (Генрих Фридрих) Остерман, а он заботился о флоте;

3) в Сенате предложения Беринга активно продвигал обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов, известный государствовед и географ;

4) в Адмиралтейств-коллегии в нужное время властвовал «умный и деятельный» граф Николай Федорович Головин;

5) прокурором Адмиралтейств-коллегии был Федор Иванович Соймонов, игравший там ту же роль, что Кирилов в Сенате;

6) в недавно созданной Академии наук «иноземцы-академики» желали показать делом свою полезность государству;

7) был еще довольно силен «дух великого Петра»⁴⁵.

Рассмотрим перечень, минуя пункт 6, поскольку академики подключились к подготовке экспедиции довольно поздно, когда судьба ВСЭ была уже определена, да и своих денег Академия наук не имела. Организация академического отряда экспедиции – это отдельная тема.

Да, при разработке плана ВСЭ войны в России не было (началась она вскоре же) и офицеры действительно желали дела, что и показал весь ход ВСЭ, но Соколов упустил важное обстоятельство: флот находился в состоянии давнего жестокого недофинансирования⁴⁶ и сильным стимулом было для офицеров желание заработать.

Перечень Соколова задает список главных возможных деятелей, но в нем кое-кого недостает. К тому же надо выяснить – кто и когда мог определять ход дел, а кто и когда не мог. Дольше всех и в наибольшей власти был Остерман, определявший тогда основы внешней и внутренней политики России. Тот факт, что он заботился о флоте, конечно, важен, однако тут еще нет оснований видеть в Остермане поборника экспедиции – это надо доказать, что пока не удалось⁴⁷.

Потому весьма важно узнать, что Остерман был лично знаком с Берингом (они принадлежали к одному лютеранскому приходу, а письма к нему Беринга носят довольно личный характер), с воодушевлением воспринял идею новой

⁴⁵ Соколов. Северная экспедиция... С. 203.

⁴⁶ Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. Гл. 4.

⁴⁷ Рычаловский Е. Е. Кабинет-министр А. А. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция // Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expedition / P. U. Moller, N. A. Okhotina Lind (eds.). Aarhus, 2003. С. 63–82.

экспедиции и был вхож к императрице – его жена была с ней давно, с девичьих пор, знакома⁴⁸. Составители этого сборника назвали Остермана *мотором* экспедиции.

Добавим: мотором был и Головин. Головин направлял ход дел в Адмиралтейств-коллегии, но появился он там слишком поздно, лишь в конце января 1732 г. (до этого служил министром, т. е. послом, в Швеции), когда указ об экспедиции уже готовился. Возглавил Адмиралтейств-коллегию он еще позже, 2 апреля 1733 г.⁴⁹, т. е. уже после отъезда первых отрядов ВСЭ из Петербурга. Следовательно, почти всю работу устройства ВСЭ явно провели до него.

Что касается роли Кирилова, то Соколов был прав, называя его главным поборником ВСЭ в Сенате, однако должность его была слишком низка для принятия решений. Поэтому нужно Соколова дополнить: с октября 1730 по ноябрь 1731 г. генерал-прокурором Сената был граф Павел Иванович Ягужинский (он занимал эту должность и ранее, еще при Петре I). Именно он предложил Сенату обсудить предложения Беринга и Кирилова, причем выступил не от себя лично, а как начальник Сибирского приказа. Видимо, именно он направил Кирилова с проектом экспедиции к Эрнсту Бирону, фавориту Анны, а тот обеспечил его утверждение императрицей⁵⁰.

Кирилов называл Бирона «скорым помощником», и есть прямое свидетельство обращения Кирилова к Бирону по поводу нашей экспедиции. Это письмо академика Герарда Миллера, где говорится о подготовке ВСЭ:

Главнейшим двигателем этого дела был сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кирилов, великий патриот и любитель географических и статистических⁵¹ сведений. Он был знаком с капитаном Берингом, который вместе с двумя своими лейтенантами Шпанбергом и Чириковым изъявил готовность предпринять второе путешествие.

Кирилов составил записку о выгодах, которые могла из того извлечь Россия.

Сочинение Кирилова следовало перевести на немецкий язык для представления [...] Бирону, на поддержку которого Кирилов более всего рассчитывал⁵².

Издатели «Второй Камчатской экспедиции...» датируют данную записку Кирилова 1733 годом, не заметив, что спутники Беринга названы лейтенантами (тогда как Шпанберг произведен в капитаны 3-го ранга, а Чириков в капитан-лейтенанты, еще в 1730 г.) и что Андреев назвал в 1959 г. эту записку «до сих пор не напечатанной»⁵³, хотя записку Кирилова 1733 года он сам же опубликовал⁵⁴. Очевидно, что записок было две, причем первое обращение Кирилова к Бирону состоялось, по всей видимости, в 1731 г.

⁴⁸ Вторая Камчатская экспедиция...

⁴⁹ Документ № 45 // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1899. Т. 106.

⁵⁰ Вторая Камчатская экспедиция...

⁵¹ Слово «статистика» в XVIII в. означало государствоведение (описание государств).

⁵² Вторая Камчатская экспедиция... С. 388.

⁵³ Андреев. Очерки по источниковедению... С. 37.

⁵⁴ Кирилов И. К. Записка о Камчатских экспедициях 1733 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. № 2. С. 35–37.

Иначе с Соймоновым. Он сам в молодости предлагал Петру нечто похожее на Камчатскую экспедицию ⁵⁵ (это, видимо, и привлекло внимание Соколова к его личности), но никаких упоминаний Соймонова в связи с ВСЭ не видно вплоть до 1738 г., когда он выступил в качестве ее открытого противника.

Итак, главные действующие лица названы, но главные вопросы (кто же дал экспедиции жизнь и почему в Камчатской экспедиции появились северные отряды) остались. Как мы уже знаем, идея северной экспедиции появилась во второй записке Беринга, где она едва обозначена. Почти в том же виде она кочевала по всем ранним документам Сената, включая время отправления экспедиции (февраль–апрель 1733 г.). Очевидно, что подлинное обсуждение (в том числе тема финансирования ⁵⁶) шло по каким-то иным каналам. Один из них немного известен, и о нем стоит рассказать.

В январе 1732 г. Остерман возглавил Военскую морскую комиссию, призванную возродить флот. Будучи также президентом Коллегии иностранных дел, Остерман привлек Головина для работы в комиссии, отозвав его из Стокгольма. Головин же, как оказалось, был в той же мере человеком Бирона, сколь и Остермана.

Комиссия Остермана пришла к выводу, что созданный при Петре огромный (и уже наполовину сгнивший без дела) Балтийский флот бессмыслен – для обороны он чрезмерен, для завоеваний на Балтике недостаточен (мал в сравнении с совокупным флотом враждебных государств), а для решения более широких задач непригоден, ибо заперт в Балтийском море. В итоге Комиссия приняла (совместно с Сенатом) решение строить в Архангельске вторую базу флота. В верности такого решения осталось убедить Бирона, но это было весьма трудно, ибо он наивно полагал, что боевые корабли вообще России не нужны (достаточно-де иметь галеры – для перевозки военных грузов и высадки десантов, как убеждал его фельдмаршал Бурхард Миних), а деньги, идущие на флот, лучше потратить на еще бóльшую пышность двора, столь милую его милой Анне ⁵⁷. Зачем еще строить что-то очень дорогое на Севере?

Остерману нужен был в споре с Бироном веский довод, причем идущий не от самого Остермана, а от постороннего авторитета. Довод пришел с Запада.

⁵⁵ Гольденберг Л. А. Каторжанин – сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979. С. 45.

⁵⁶ Покровский отмечал, что указы Сената обошли вопрос о финансировании, а затем «содержание экспедиции было отнесено на местные средства» (Экспедиция Беринга... С. 31). Точнее, анализ убеждает, что ВСЭ забирала все нужное ей принудительно – просто ссылкой на указ, с огромными бедами для населения. Ранее Сенат точно так же обошел вопрос о финансировании экспедиции Лихарева. Тот запросил Сенат, кто будет снабжать и оплачивать его экспедицию, но получил лишь подъемные и указание, что платить должна Сибирская губерния (53. Об отправлении майора Ивана Лихарева в Сибирь для расследования... С. 186–187). Из дальнейших документов (параграфы 4–10 документа 53 (Там же. С. 191–209)) видно, что в Сибири Лихарев ничего не мог получить для экспедиции, пока не был (через год) назначен новый губернатор. Этот год Лихарев потратил на сбор сведений, обличавших Гагарина (*Корсакова*. Гагарин Матвей Петрович...). Больше года ждал обещанного указом финансирования и Ельчин. В итоге Ракитин обвинил его в том, что тот «нарочно медлил исполнением», и Ельчин вместо экспедиции был вызван в Тобольск для объяснений.

⁵⁷ Петрухинцев. Царствование Анны Иоанновны... С. 278 и др.

Странная поддержка

Молодой князь Антиох Кантемир, впоследствии известный писатель, прибыл в Лондон 30 марта 1732 г. как посол России и сразу стал писать подробные донесения императрице. В конце 1732 г. он сообщает (секретная реляция от 29 декабря 1732 г.), что сразу по прибытии получил письмо от англичанина, имени которого не хочет называть ради его безопасности, и излагает суть письма. По словам Кантемира, англичанин обещает «сыскать безопасную морскую дорогу в Япон, в Хину и в Америку иждивением только 12 тысяч фун. стер.». Автор письма перечисляет выгоды: Архангельск станет центром восточной торговли, а Северный океан – центром китобойного промысла, который в Европе приходит в упадок, поскольку там труд слишком дорог (а в России, наоборот, дешев). И нужен для всего этого один лишь русский корабль⁵⁸. Словом, в письме речь шла о реанимации идеи Северо-восточного прохода.

Согласно англичанину, Архангельск станет вторыми морскими воротами России и источником новых денег для казны. Это указание, равно как и отсутствие самого текста письма, заставляет подозревать российскую подделку, а еще больше в данном подозрении укрепляет чисто российский интерес автора письма к сокрытию будущей экспедиции от правительств Запада:

...сие может учинено быть таким образом, что некоторая морская держава о том не сведает, и когда такая экспедиция отправлена будет, то никакая держава не может препятствовать учинению там поселения.

Английский текст письма неизвестен, а русский текст (оригинал?) отыскал в Центральном (ныне Российском) государственном архиве древних актов А. В. Ефимов⁵⁹. Возможно, что письмо «англичанина» было составлено в ведомстве Остермана. Если так, то Северную экспедицию следует рассматривать как существенную часть планов Остермана по усилению своей власти. Безусловно, Бирон прочел письмо, на что и был расчет, кто бы ни был его автором.

Замечу, что Беринг впервые предложил пройти Ледовитым океаном и выйти в Тихий в записке от 19 сентября 1732 г.⁶⁰, т. е. после написания письма «англичанина», но до его отправки в Петербург. Беринг уверял там, что можно *на одном боте* пройти от устья Оби до Чукотки. Это наивное предложение в устах опытного мореплавателя, недавно побывавшего среди льдов Чукотского моря, звучит странно, однако вполне естественно как элемент согласованного

⁵⁸ *Александренко В. Н.* Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона. М., 1892. Т. 1. С. 62.

⁵⁹ Он полагал, что это был Вильям Эльтон, приехавший в Россию служить в 1733 г., но не привел убедительных доводов (*Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 212). Известен Джон Эльтон – английский агент Кантемира, ехавший в те дни в Петербург (*Александренко*. Реляции кн. А. Д. Кантемира... С. 108). Известен и другой (или тот же самый) англичанин Джон Эльтон (*Elton*), в марте 1735 г. назначенный по ходатайству И. К. Кирилова в Оренбургскую экспедицию в чине капитана российского флота (что равнялось тогда полковнику) «для географического описания» (Сборник Императорского Русского исторического общества. 1907. Т. 126. С. 81, 317–318).

⁶⁰ Вторая Камчатская экспедиция... С. 147.

давления группы Остермана на Бирона, в чьих руках фактически был ключ от казны империи⁶¹.

Как бы то ни было, в решении Сената о задачах ВСЭ, которое было утверждено Анной 28 декабря 1732 г., т. е. до получения письма «англичанина», был впервые упомянут Архангельский (т. е. Двинский) отряд, и указано, что необходимо выяснить возможность плавания от Оби до Лены⁶², но и только. Для фактического начала работ Остерману и Головину нужен был еще указ самой императрицы, притом касавшийся всего Северо-Восточного прохода, и он появился.

Письмо «англичанина» дошло до Анны по дипломатическому каналу и, судя по всему, сработало блестяще: в феврале 1733 г. Сенат впервые упомянул северные отряды не от своего имени, а как указанные самой императрицей. А именно, Анна указала (устно или в неизвестном нам документе) искать, «имеется ли проход Северным морем»⁶³. Что конкретно изволила разрешить Анна, неизвестно, но именно после ее слов северные отряды были узаконены и посланы.

Конечно, весьма желательно найти другие свидетельства решения Анны, однако одно и сейчас ясно: если этого англичанина не было, Остерману следовало его выдумать⁶⁴. Но что двигало им самим? Оказывается, Остерман, Головин и Кирилов на самом деле верили в Северо-Восточный проход. Это сквозит в последующих настойчивых письмах из Адмиралтейств-коллегии и Сената в Сибирь, которые ставили командирам северных отрядов в пример поморов и казаков прошлого, свободно плававших по Ледовитому морю. Но плавали те свободно лишь до 1580-х гг.⁶⁵, т. е. до прихода *LIA* в Карское море.

Юдомский Крест как модель будущих бед

В феврале 1731 г. Беринг так описал путь будущей экспедиции:

От Санкт-Питербурха до города Твери или до Москвы сухим путем, и потом на нис до реки Камы, а Камою вверх до Соли Камской. От Соли Камской сухим путем зимним временем до Тоболска. От Тоболска вниз рекою Иртышем до Самаровского Яму (ныне в составе г. Ханты-Мансийска. — Ю. Ч.). От Самаровского Яму вверх реками Обью и Кетью до Маков-

⁶¹ В недавние годы стало модно писать, будто Бирон не был у власти — на том основании, что почти нет документов с его подписью (см., например, введение к упоминавшейся книге Петрухинцева). Однако современники знали, что Анна ни во что не вникает и что решение принимают Бирон и его советник Липман (см., например, дипломатические донесения: Сборник Императорского Русского исторического общества. 1876. Т. 20. С. 111, 116–117).

⁶² Вторая Камчатская экспедиция... С. 174–188.

⁶³ Там же. С. 288.

⁶⁴ В отличие от А. В. Ефимова Л. С. Берг не проявил интереса к этому важному письму — русские, мол, спланировали экспедицию раньше и не нуждались в советах (*Берг. Очерки по истории...* С. 26). Не стоит винить его, помня время, в какое он это писал, но все же следует заметить, что письмо впервые излагало *цель* северного плавания русских — открыть, наконец, Северо-Восточный проход.

⁶⁵ *Берг. Очерки по истории...* С. 92.

ского острога. От Маковского острога сухим путем до города Енисейска. От Енисейска до Илимска чрез Енисей-реку и вверх реками Тунгускою (Ангарой. – Ю. Ч.) и Илимом. От Илимска сухим путем до реки Лены (до Усть-Кута. – Ю. Ч.), и по оной реке вниз до Якуцка. От Якуцка Леною-рекою до реки Алдана. А Олданом, Маею и Юдомою-реками вверх до Юдомского Креста. От Юдомского Креста сухим путем до Урак-реки и до Охотского острога, а Ураком рекою, ежели судном плыть, то немалой труд возымеет, понеже оная не в дождливое время бывает весьма маловодна. От Охоцка до Болшереецкого чрез море. От Болшереецкого до Камчатцкого устья сухим путем или круг Камчатского Носу морем. А оного пути сщи[с]ляетца до Камчатского устья з Санкт Питербурха 10811 верст⁶⁶.

Беринг здесь всюду упрощает дело – видимо, чтобы не отпугнуть высоких начальников от самой идеи экспедиции. В частности, расстояние 10 811 верст сильно занижено. Оно измерено по весьма приблизительной карте, и расстояния между всеми названными пунктами сложены. Но и оно оказалось на тысячу верст больше расстояния от полюса до экватора, и включает не менее девяти перевалок – с подвод на лодки, с больших лодок на малые (или на вьючных лошадей) и обратно. А ведь от Камчатки, в сущности, Камчатская экспедиция только и должна была начаться.

Нам тут важно, что Беринг всюду описывает путь как очевидный и только относительно реки Урак вступает с кем-то в скрытую полемику. Рассмотрим ее, поскольку при этом выяснится главная трудность экспедиции, породившая долгие споры о ее выполнимости и даже целесообразности.

Дорога «от Маковского острога сухим путем до города Енисейска» примерно в сто верст давным-давно освоена, однако вскоре выяснится (в ходе ВСЭ) неприятный факт: для перевозки одного лишь головного отряда здесь нужно 150 подвод, и даже это окажется на пределе возможностей местного населения и властей. Трудностей на Ураке несравненно больше, а оседлого населения вообще нет, и вот Берингу приходится заранее обсуждать альтернативы.

Юдомский Крест – вовсе не перевал (как пишут некоторые), а приметное место на самой Юдоме, в двухстах км по прямой от Охотска. Здесь водные потоки образуют крест: от русла реки Юдомы налево отходит рукав, а прямо напротив него в нее справа впадает речка Крестовка. Тут, кстати, до сих пор есть зимовье Юдома-Крестовское. Речка несудоходна, зато по ее долине вблизи правого берега возможен зимник (проезд в санях), по которому до верховья Урака 40 верст езды. Частично этот путь был расчищен от крупных камней в ходе Большого камчатского наряда.

Теперь мы знаем, что ни разу за всю долгую Великую экспедицию никому не удастся доставить грузы из Якутска в Охотск по рекам без зимовки у Юдомского Креста, а это будет означать гибель людей, падеж лошадей и огромные затраты, не говоря уж о задержке главного предприятия, плавания на Камчатку и далее. Видимо, на эту опасность Беринг глухо и намекает. Суть же дела в следующем.

⁶⁶ Вторая Камчатская экспедиция... С. 27.

Охотское зимовье существует уже 85 лет, а острог – более сорока лет. Население (11 дворов, около 30 казаков и несколько ссыльных) питается рыбой и изредка мясом дичи, а из растений – диким луком и «сладкой травой»⁶⁷, из которой варят щи и «сидят вино» (мы бы сказали: гонят самогон). Никакой дороги, кроме тысячеверстной выючной тропы. В Якутск возят ясак (пушнину), а оттуда порох, свинец, ткани и металлические вещи. Даже соль не возят (накладно; варят ее из морской воды), не то что хлеб. Через Охотское море никто не плавал до 1715 г., до Козьмы Соколова.

Речной путь из Якутска в Охотск был открыт около 1712 г., его и описывает Беринг. Как видим, он согласен, что от Якутска до Юдомского Креста надо добираться реками, а не идти через горы выючной тропой (как он сам делал и в прежнюю экспедицию, и в будущую). По Ураку он плыть не собирается и, как видно, предостерегает от этого будущую экспедицию, что объясняет маловодностью реки. О том, сколь огромные издержки и беды этот отказ повлечет, не сказано, хотя уже известно.

Трудность, из-за которой Беринг не хочет плыть по Ураку, та, что река эта стремительна, мелка и порожиста; лодки проходят только вниз и только несколько дней весной, в дни паводка, а затем еще несколько часов в июле, если будет обильный дождь. Плавание трудно и опасно (часть лодок разбивается), зато длится всего 17 часов до самого моря (тогда как лошадь с двумя выючными мешками идет до Охотска 10 дней), причем лодка берет 200 пудов груза, тогда как лошадь везет в санях (т. е. надо ждать зимы) лишь 15 пудов, а выючная – всего 5 пудов. Столько же может тянуть зимой человек с санками, но только если он здоров и сыт, чего тут не бывает.

Эти и другие подробности можно прочесть у Свена Вакселя, лейтенанта из команды Беринга⁶⁸, у Георга Стеллера⁶⁹, а также в замечательном анонимном докладе.

Первый ученый на пути в Охотск

Этот доклад⁷⁰ поступил из Якутска в Сенат летом 1733 г. и, следовательно, написан до отъезда нашей экспедиции. Но если Ваксель пишет о бурной реке весело, как о приключении, то аноним весьма озабочен происходящим и еще более – предстоящим. Издатели «Второй Камчатской экспедиции...», отметив хорошую грамотность доклада, видят всего двух его возможных авторов – это ссыльные Григорий Скорняков-Писарев, в те дни глава Охотского порта, и

⁶⁷ И. Г. Гмелин дал ей тринomialное название *Heracleum foliolis pinnatifides* Linn. Нынешнее биномиальное название: *Heracleum dulce* (борщевик сладкий).

⁶⁸ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л., 1940.

⁶⁹ Георг Стеллер (Штеллер) служил у Беринга натуралистом, ездил в Охотск и сухим путем, и смешанным, о чем выразительно написал академику Гмелину: «Для Вашего же блага прошу Вас предпочесть водный путь из Усть-Майи столь дорогостоящему и доставившему нам столько огорчений сухому пути, а также выслать лошадей без груза в Крест, чтобы они за 6 недель дважды проделали путь до Охотска и обратно» (Штеллер Г. В. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 331). Ваксель же, наоборот, предпочел стремительный сплав по Ураку.

⁷⁰ Вторая Камчатская экспедиция... Док. 172.

Генрих фон Фик, бывший президент Коммерц-коллегии. Однако оба тут недавно, тогда как автор показал доскональное знание дел. К тому же Писарев писал иначе (известен склонностью), а Фик не мог покидать Якутск и видеть то, что с таким знанием и пониманием описал аноним. Полагаю, что автором был еще кто-то третий, вернее всего, тоже ссыльный.

Именно его следует считать *первым ученым, посетившим русский Дальний Восток*. Точнее, легко видны три соавтора – Писарев или кто-то из его круга (кто еще мог знать, что ожидаемая секретная экспедиция будет значительно многочисленнее прежней?), опытный финансист (Фик?), способный коротко и дельно описать рост цен на провоз грузов, и участник хотя бы одной из прежних экспедиций (Соколова, Евреинова, Беринга или Шестакова), знавший всю обстановку изнутри.

Этим третьим мог быть и Ельчин, если он был тогда жив и в Сибири. Его краткая записка о пути на Камчатку⁷¹, равно как и два его напутствия, приведенные у Згибнева, грамотны и содержательны. Хотя приведенные в «Памятниках сибирской истории» пространные отписки и предписания за его подписью вряд ли написаны им, но есть там несколько мест, выделяющихся нестандартностью содержания и формы, продиктованные писарю, видимо, самим Ельчиным. Так, напутствуя Козьму Соколова, он среди обычных угроз и требований вдруг проявляет необычную заботливость:

И естли по милости Божией возвратятся в целости, то зело по его великого государя милостивому обещанию пожалованы все будете великою его царского величества милостию, и переменены чинами, и повышены многим числом окладами и дачею в приказ его великого государя жалованья, и богатством будете уснабжены. Буде же по воли Христа Бога нашего в той посылке и кончину животу своему примете, надеяние на Него, содетель всех Христа Бога нашего, что Он, содетель наш, даст вам во оном вещь живот вечный; предела сего смертнаго ни кая плоть минути не может, и о сих посланных всегда просити будет Церковь Божия, чтоб прося себе от Христа помощи, шли в тот путь по повелению его царского величества без всякого сомнения, а надежду б имели, что Он, всего содетель, не оставит вас своего ради имени. А оставшие жены и дети не будут оставлены, по указу его царского величества уснабжены будут⁷².

Надежды Ельчина были наивны, зато можно надеяться, что языковый анализ еще позволит выявить авторство необычного анонима – Ельчина или другого.

Между прочим, аноним отметил, что стоимость провоза на пути из Якутска в Охотск возросла в 35 раз всего за 15 лет⁷³. Для удешевления он предложил радикально улучшить средства перевозки – например, где можно, отказаться от лодок в пользу барж, берущих по тысяче пудов и больше. А на Юдоме, где баржи не проходят, нужно построить пристань для перевалки с барж на

⁷¹ Приведена целиком в книге: *Ефимов*. Из истории великих русских географических открытий... С. 121.

⁷² 12. Память якутским служилым людям и мореходцам... С. 38.

⁷³ Поясно: прежде «служилые» строили лодку между делом, на продажу, а теперь «охочих нет». К работе в ущерб своему хозяйству людей приходилось принуждать оружием.

лодки, берущие по 500 пудов, и в них плыть 300 верст до Юдомского Креста. Здесь следует дожидаться зимы, чтобы перевозить грузы в саних до Урака, где до весны строить лодки. Это – самая дорогая часть пути ⁷⁴, но без лодок выходит дороже, ибо влечет огромную потребность в людях и лошадях, а они во множестве гибнут от голода, холода и перенапряжения. По данным анонима, так было в первую экспедицию: «Хотя немного людей в ней было, а лошадей с три тысячи ходило ⁷⁵, и не возвратилось назад и ста лошадей» ⁷⁶. Число погибших людей он назвал так: «около 30 служилых» – видимо, трупы согнанных на работу крестьян и кочевников вовсе никто не считал.

Вскоре осторожный Беринг предпочел обойтись и без Урака, и без зимовки. А именно, в 1737 г. сам он проследовал из Якутска в Охотск посуху, вьючной тропой, использовав более 200 крестьянских лошадей ⁷⁷. Его можно понять: Адмиралтейств-коллегия давно торопит; поэтому людей, хлеб и одежду следует доставить в текущем году, чтобы в 1738 г. отправить на Камчатку хотя бы один корабль (он был уже готов ⁷⁸) и строить остальные. Но налицо грубая жестокость к местным жителям, ибо, не дав им заготовить вовремя припасы, Беринг обрек их на голод, а многих – на голодную смерть вместе с детьми. За это на него поступало множество жалоб, но то уже другая тема.

Итог: Салтыков и Великая Северная экспедиция

Великая Северная экспедиция была военной (солдаты составили, по Вакселю, половину ее численности), она сгоняла на работы крестьян и коренных жителей с их транспортом, а также ссыльных тысячами. С одной из этих толп проехал в Охотск сам Беринг с семьей, и таких событий было в ходе экспедиции множество (они частично описаны у Вакселя и во «Второй Камчатской экспедиции...»). Этим она, разумеется, донельзя осложнила свои отношения и с местным населением, и с местными властями, причем данная трудность была предопределена еще до отправления экспедиции, в самом ее замысле.

Салтыков не называл предлагаемую им экспедицию военной, не видит ее таковой по сути и до сих пор, но иной она быть не могла, так как шла по необследованным местам, часто среди непокорного населения, да еще за его же счет питалась, одевалась и двигалась. Могла ли она быть менее затратной, а с тем и менее жестокой? Думаю, могла, если бы не ставила себе несовместимых задач (о чем многие писали). Поиск Северо-Восточного прохода не

⁷⁴ Лодки были нужны малые, на 200 пудов, причем железо и пеньку для них надо было везти с собой из Якутска. Их было нужно много, и вернуть их назад было невозможно; они затем шли на доски в Охотске, но получить с Охотска их стоимость, видимо, не удавалось.

⁷⁵ Видимо, он имел в виду расход лошадей за всю первую экспедицию Беринга.

⁷⁶ Вторая Камчатская экспедиция... С. 470.

⁷⁷ Жена Беринга предпочитала путешествие с детьми в паланкине, т. е. на плечах местных жителей. 19 августа 1740 г., перед отплытием Беринга на Камчатку (он отплыл 23 августа), «госпожа командорша с барышней и сыном отправилась паланкином из Охотска в Крест, чтобы потом водой дойти до Якутска и весной вернуться в Петербург» (*Штеллер*. Письма и документы... С. 332).

⁷⁸ Капитан Мартин Шпанберг готов был еще весной 1737 г. отплыть из Охотска в сторону Японии, но у него не было нужного продовольствия (Экспедиция Беринга... С. 47).

стоило соединять с освоением Охотского бассейна и Камчатки, не говоря уж о «поиске новых земель».

Доставка в Якутск всего необходимого для северной экспедиции (отплывшей из Якутска в 1736 г.) настолько истощила силы местного населения, что собственно камчатскую экспедицию удалось отправить только через пять лет после северной (отплыла из Охотска в 1741 г.). Ее и следовало послать из Петербурга на пять лет позже северной (не ранее весны 1738 г.), а не держать все эти годы на Лене тысячу и больше крестьян (и еще больше ссыльных) на положении каторжников.

Следовало, как предлагал Салтыков, строить корабли на северных реках, не связывая это с Камчаткой. Затем, плывя, надо бы действовать по требованию открывшихся обстоятельств, а не по столичным инструкциям. Разумеется, не следовало пытаться исследовать Дальний Восток и Крайний Север в рамках одной экспедиции, однако соединение двух огромных экспедиций в одну, по-моему, было вызвано лишь ходом политической интриги. Вопрос, как видим, требует исследования.